УДК 392 DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.01.032-044

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОСТИ, КАМНЯ И МЕТАЛЛА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБСКИХ УГРОВ О РЕИНКАРНАЦИИ

Волдина Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (г. Ханты-Мансийск, РФ),
tatyanavoldina@yandex.ru

Статья продолжает цикл материалов, посвященных проблеме реинкарнации в традиционной культуре обских угров («Финно-угорский мир», «Вестник угроведения», 2014–2018 гг.). Тема перевоплощения человеческой души связана с вопросом о жизненных силах и их носителях. В традиционных практиках по определению, чья «душа» реинкарнировала, где ведущими были гадание и предсказание по снам, принято обращать внимание на внутреннее и внешнее сходство ребенка с реинкарнировавшимся в нем предком. Это хотя и не основной, но очень важный параметр, подтверждающий правильность определения возродившейся «души».

Частью мифоритуальных традиций хантов и манси является «телесная» магия, где особое внимание отводится костям (скелету) как основе человеческого организма. По особенностям костной структуры могли определять судьбу и качества человека. Особое внимание в благопожеланиях и обычаях, направленных на сохранение здоровья, уделялось позвоночнику (условно, спине), от крепости которого зависела жизнестойкость организма человека. Сохранность и целостность скелета считались важным условием для последующей реинкарнации. Отголоски древних представлений можно обнаружить в мифологических текстах о предках и в обычаях, имеющих отношение к культу медведя.

Связь представлений о костях и культом предков и родовых духов-охранителей носит универсальный характер. При этом кость у обских угров отождествляется с камнем, чем объясняется сакрализация природных каменных объектов, в которых «превратились» «герои прошлого»: камень обладает рождающей, защитной и смертоносной функциями. Наиболее ярко тождественность кости и камня просматривается в фольклорных текстах, где говорится о чудо-камнях, из которых появляются богатыри или о чудодейственных стрелах (костяных и каменных), с помощью которых герои одолевают сверхъестественных существ. Близким по сакральным функциям кости и камню является металл, изделия из которого также символизировали магическую защиту, духов-предков и человеческую душу (игла, нож, наконечник стрелы).

Ключевые слова: обские угры; мифология; традиционное мировоззрение; реинкарнация; кость; камень; металл.

Для цитирования: Волдина Т. В. Символическое значение кости, камня и металла в контексте традиционных представлений обских угров о реинкарнации // Финно-угорский мир. 2019. № 1. С. 32–44.

Введение

В изучении мифоритуальных традиций ключевое значение имеет раскрытие идей и символов, лежащих в их основе. Одним из базовых конструктов в традиционной картине мира и связанной с ней ритуально-обрядовой сфере обских угров является комплекс представлений о реинкарнации человеческих «душ» (жизненных сил). При жизни человека, как считается, они сконцентрированы в различных частях тела. Например, местом пребывания главной (реинкарнирующей) души *lil / lili* (души-дыхания), символизирующей сознание, обычно считается голова (волосы). Другая, более материальная, или «животная», часть – *is-χor* (душа-тень) носит эмоционально-чувственные характеристики, не случайно ее называют «большой» душой и мыслится она зависимой от удовольствий плоти: еды, тепла и т. д. О «телесности» этой витальной души свидетельствуют речевые выражения, связывающие ее с брюшной полостью, а также с «сердцем-печенью». Душа-дыхание и душа-тень могут восприниматься как единое целое, которое,

 © Волдина Т. В., 2019

в свою очередь, тесно связано с человеческим организмом. Такое понимание лежит в основе так называемой телесной магии или символических действий, направленных на манипуляции с плотью, где значительное место отводится костям и роговидным частям организма. Считается, что скелет, волосы и ногти и после смерти связаны с душой (если говорить о жизненных силах в обобщенном варианте).

Цель данной работы – изучение традиций, связанных с особым отношением к костям как составной части комплекса представлений обских угров о реинкарнации, выраженных в культе предков и родовых духов-охранителей, а также в символическом отождествлении кости с камнем и изделиями из металла. В связи с этим были поставлены следующие задачи:

Раскрыть основные представления обских угров о кости в актуальных верованиях, сохранившихся обычаях, а также через тексты мифологического содержания; и в соответствии с ними определить значение, которое придавалось кости в традиционной культуре хантов и манси.

Выявить взаимосвязь представлений о кости, камне и металле, лежащих в основе мифоритуальных традиций хантов и манси: показать эти параллели в фольклорных текстах; а также через тождественность их ритуальных функций.

Изучение традиционных представлений хантов и манси о костной системе организма в заявленном ключе расширяет границы в понимании особенностей мифологической системы обских угров. Через сравнение их с аналогичными представлениями в мифологии других родственных обским уграм народов и проживающих с ними в контакте этнических групп можно выйти на проблемы межкультурных связей, выявления общего и особенного в народных традициях.

Раскрытие значения традиционных этнических символов и архетипов затрагивает также сферу интересов этнопсихологии, антропологии сознания и медицинской антропологии. Они изучают мифологию как ключ к глубинным пластам коллективного бессознательного и, соответственно, имеют выходы на практическую деятельность в работе с людьми. Например, с проявлением в сновидениях устоявшихся и трактуемых в народе образов, связанных с костью, зубами и т. п.

Обзор литературы

В обрядовой практике и мифологических представлениях обских угров наблюдается особое отношение к костям, а также к камням и изделиям из металла, сакральные функции которых близки. Этот вопрос как часть мифоритуальных традиций, связанных с реинкарнацией, не становился ранее предметом специального исследования. Отдельные же его составляющие, способствующие раскрытию данной темы, освещены в научной литературе: обычай сохранения целостности костей медведя как важное условие для его последующего возрождения; традиции почитания камней, в которых «живут» духи предков; ритуальные функции камня и металла и др.

Традиционное мировоззрение обско-угорских народов начиная с конца XIX в. до настоящего времени входит в круг интересов большого числа ученых. Наиболее ранние этнографические материалы, на которые мы опирались, принадлежат финскому ученому К. Ф. Карьялайнену и относятся к концу XIX – началу XX в.[1] В одном из томов трехтомного исследования “Die Religion der Jugra-Völker” («Религия югорских народов») автор рассматривает культ природных объектов из камня, повсеместно почитавшихся хантами и манси как образы окаменевших «героев прошлого». Он же один из первых обратил внимание на употребление слов «камень» и «железо» в качестве параллелизмов в обско-угорском фольклоре.

О значении целостности костей для последующей реинкарнации медведя, с которым связан важнейший в культуре хантов и манси ритуальный комплекс – медвежьи игрища, на материале восточных хантов писали томские этно-

[1] См.: Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. Porvoo, 1922. Bd. 2.

графы М. Б. Шатилов, В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина. Мифологический сюжет в фольклоре северных хантов о первопредке – женщине *Mos'*, реинкарнировавшейся в медведице, которая оставила наказ своей человеческой дочери сохранить ее кости и кости братьев-медвежат для последующего возрождения, раскрыт венгерской фольклористкой и этнографом Е. Шмидт [13].

Символическая функция камня в культуре хантов, а также схожие сакральные функции камня и металла в актуальных верованиях и ритуально-обрядовой практике рассматривались Т. А. Молдановой [7, *178–219*]. Уральские горы как объект почитания у манси представлен в статье Т. Д. Слинкиной [10].

Мы опирались и на работы по семейной обрядности, опубликованные Л. В. Кашлатовой [5], Р. М. Потпот [8], Т. Р. Пятниковой [9] и др.

Традиционные представления обских угров о взаимосвязи костной системы с жизненными силами человека близки взглядам и других народов. Так, в традиционной культуре хакасов, изучаемой В. А. Бурнаковым, встречаются аналогичные суждения о связи костей с человеческой душой [1]. В этом же ключе можно рассматривать вопрос по изучению особого отношения к первому шейному позвонку-атланту в обрядовой практике народов Севера и Сибири, который поставлен Ю. Н. Квашниным [6].

Материалы и методы

При раскрытии заявленной темы мы опирались на этнографические данные в опубликованных источниках, привлекали собственные полевые материалы, собранные с 1992 по 2017 г., а также опубликованные материалы 2015 г. [2; 3]. При проведении полевых исследований сбор материала осуществлялся через наблюдение, интервью или личную беседу, как разновидность опроса, со знатоками и хранителями народных традиций.

Еще один источник исследования – фольклорные тексты мифологического содержания из фольклорных сборников – обско-угорские мифологические и героические сказания, опубликованные за рубежом в середине XX в.[2], хантыйские сказки из собрания В. Штейница[3], а также более поздние опубликованные фольклорные сборники: «Сказки Иныревой Екатерины Григорьевны (казымский диалект хантыйского языка)»[4], «Касэм йох путрэт, арэт. Предания, песни казымских хантов»[5], сюжет легенды, записанный В. И. Сподиной [11]. Систематизация и сопоставление фольклорных данных, в которых отражена древняя основа существующих ныне традиций обских угров, позволили выявить систему представлений хантов и манси по поставленной проблеме.

В работе использованы, кроме того, языковые примеры из работ филологов О. Ю. Динисламовой [4] и А. А. Шияновой [12], а также устные сообщения о традициях обских манси, записанные 18–19 сентября 2018 г. от этнографа Р. К. Бардиной.

В ходе работы применялись типологический (и в его рамках компонентный анализ), структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы исследований.

---

[2] См.: Karjalainen K. F. Op. cit.; Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. Bd. I: Texte mythischen inhalts. Helsinki, 1951; Eadem. Wogulische Volksdichtung. Bd. II: Kriegs- und heldensagen. Helsinki, 1955; Pápay J. Eszaki-osztják nyelvtanulmányok. Budapest, 2010. S. 176; Reguly A., Pápay J. Osztják (chanti) hősénekek I. (Reguly-konyvtar I) / közzéteszi Zsirai Miklós. Budapest, 1944; Eadem. Osztják (chanti) hősénekek II. (Reguly-konyvtar II) / közzéteszi Zsirai Miklós. Budapest, 1951; Eadem. Osztják (chanti) hősénekek III. (I Füzet) / Zsirai Miklós hagyateka; közzéteszi Fokos Dávid. Budapest, 1963.

[3] См.: Три охотника [2 варианта] // Хантыйские сказки в собрании Вольфганга Штейница / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 2014. С. 122–127; Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. III. Texte aus Nachlas / Herausg. Von G. Sauer unter Mitwirkung von Fachkollegen. Berlin, 1989.

[4] См.: Дочь маленького зеленого карася // Сказки Иныревой Екатерины Григорьевны (казымский диалект хантыйского языка) / сост., пер. на рус. яз. С. Д. Дядюн; ред. д-р филол. наук В. Н. Соловар. Ханты-Мансийск, 2016. С. 6–37.

[5] См.: Пёс Йанду // Касэм йох путрэт, арэт: предания, песни казым. хантов / сост. Р. М. Потпот. Тюмень, 2014. С. 20–26.

Результаты исследования и их обсуждение

Традиции, связанные с костной структурой человека

Скелет – это стержень, опора и каркас материальной оболочки, ее неразлагающаяся часть. Вся костная структура держится на позвоночнике, к которому, соответственно, – особое отношение. Например, у казымских хантов нельзя проходить со стороны спины, особенно старого человека. Если же кто-то был вынужден пройти так, то «чертил» на спине (рисовал пальцем в воздухе) знак в виде решетки – две короткие вертикальные параллельные линии вниз и две такие же пересекающие их горизонтальные линии, при этом произносил: *Sort p'ank – sort p'ank* ('Щучий зуб – щучий зуб'). Тем самым ставилась символическая защита от некой возможной угрозы тому, мимо кого прошел[6].

У обских угров популярен фразеологизм *lŏwəŋ-soməŋ* 'крепкий' (букв. с сев.-хант.: кости имеющий – чешую имеющий) [12, *112*]. А о худом человеке могут сказать: *luvtak-n'oviltal* (букв. с сев.-манс.: без мяса, без костей) [*4, 29*]. Отдельная же кость может отождествляться с конкретной частью тела, основой которой она является – рукой, ногой, головой и т. д.

Широко распространены пожелания: «*Tăḷaŋ josh – tăḷaŋ kŭr*» (хант.), «*Pus kat – pus lagyl*» (манс.) (букв.: целых ног, целых рук), где целостность организма (прежде всего целостность костной системы как его основы) – это залог здоровья и благополучия человека. Смысл изречения гораздо глубже, так как ноги и руки ассоциируются с делами, дорогами, предками и потомками, т. е. родом человека. Формулу «целых рук – целых ног» можно встретить в произведениях эпического характера и молитвенных заклинаниях. Данное выражение является также частью более объемных по смыслу и структуре традиционных благопожеланий, один из вариантов которого записан нами у казымских хантов: *«Jisaŋa – nŏptaŋa, ujaŋa – pis'aŋa vŏḷəpsi joshən vŭtəŋ pa hŭvat ăt vŏs. Tăḷaŋ josh – tăḷaŋ kŭr, kŭr tăhrəmti ḷŏt aḷ vŏḷ, josh tăhrəmti jărtəp aḷ vŏḷ»* (букв.: «Издревле идущей [*jis* – это и старина, и древность, и «большая душа»] – долговечной [*nŏpət* – это век, возраст], счастливой – удивительной жизни дорога широкой и длинной пусть будет. Целых рук – целых ног, [пусть] ноге застрять места не было бы, [пусть] руке застрять преграды не было бы»)[7].

Одно из обращений к духам обских манси с употреблением этой формулы записала этнограф Р. К. Бардина (предоставлено нам 18 сентября 2018 г.):

Сор-вит тайлыл унтысмен,
Ма-вит тайлыл унтысмен,
Отранум, хонанум тый сэямалэн,
Ты яныт ёмас варэн, нётэн!
Агиянмен, пиянмен (няврэманмен)
Рущ халт, савыр махум халыт олэгыт.
Катаныл патнэ щахыӈ / щаӈкын ма
Ул хонтэгыт,
Лагланыл патнэ воӈхан ма
Ул хонтэгыт!
Элаль олнэ исыӈ хотал ос хонтэгыт,
Элаль олнэ нотыӈ хотал ос хонтэгыт!
Пус кат, пус лагыл ос олыгыт!

Сладкой воды полно [достаточно] поставили,
Медовой воды полно [достаточно] поставили,
Богатыри, хозяева сюда прикоснитесь,
Вот столько / много [только]
хорошего делайте, помогите!
Дочери, сыновья наши (дети) живут
Среди русских, среди многих народов.
Рукам упасть землю с бугорком
Пусть не найдут,
Ногам упасть землю с ямой
Пусть не найдут!
Дальше жить древний день пусть найдут,
Дальше жить вечный день пусть найдут!
Целыми руками, целыми ногами пусть живут!

По форме конечностей делали предсказания. У казымских хантов обращали внимание на особенности рук и ног новорожденного младенца. Например, выступающая пятка (большая пяточная кость) свидетельствует, что такой ребенок будет зажиточ-

[6] Полевой материал автора: Мария Кузьминична Волдина (Вагатова), 1936 года рождения (родилась в семье оленевода на реке Курьёх в окрестностях д. Юильск Берёзовского (ныне Белоярского) района Ханты-Мансийского округа), г. Ханты-Мансийск, запись 1992 г. (далее – ПМА: М. К. Волдина).

[7] ПМА: М. К. Волдина, запись 2018 г.

ным человеком. А тот, кто имеет больше пяти пальцев на одной из конечностей, – одарен сверхъестественными способностями, может стать шаманом[8]. «Лишняя» кость или данный свыше, «сверх нормы», палец – это еще один дополнительный проводник для получения необходимой для жизни энергии и говорит о необычности и одаренности его владельца. Во время экспедиции к казымским хантам в д. Юильск к нам на встречу пришел мужчина средних лет. Рассказывая о себе, он намекнул, что владеет определенными способностями и в качестве доказательства предъявил руку, на которой был дополнительный отросток на большом пальце.

Близкие представления существовали и у других народов. Например, по данным Бурнакова, о природной основе шаманского дара у хакасов также свидетельствовала «лишняя» кость. Кроме того, он отмечает: «Особенно важным вместилищем души считались большие пальцы рук. В хакасском языке большой палец носит название *иргек*, который переводится как *самец* и символизирует мужское начало» [1, *15*].

Одним из подтверждений правильного определения, чья душа реинкарнировала в родившемся младенце, это проявление им по мере взросления черт предка, вместо которого он родился, включая как внутренние (нрав, предпочтения и т. п.), так и внешние (походка, голос, внешность и т. п.) характеристики. Конституция тела во многом зависит от строения костной системы, что также принимается во внимание. Например, сутуловатость умершего родственника проявилась у его троюродного племянника, в котором, как считается, воплотилась его душа[9]. По информации представителя обских манси, дедушка и внук, в которого воплотилась его душа, оба – высокого роста (записано со слов Р. К. Бардиной 17 сентября 2018 г.).

Зубы и их символическое значение

Частью костной системы организма являются зубы, которые согласно традиционному мировоззрению обских угров выполняют не только свои основные физические функции, но и функцию сакральной защиты. Ребенок без зубов считался беззащитным по отношению к миру духов, поэтому до появления первых зубов новорожденный нуждался в особой защите. У среднеобских хантов беззубого младенца называли *пенгта-кушта нявpем* ‘без когтей-зубов ребенок’, одним из его оберегов наряду с небольшим ножиком, спичками и т. п., которые клали в люльку, был камешек [5, *178*]: режущие и колющие предметы (нож, ножницы), а также камешек рассматривались как символическая замена защитной функции зубов. У казымских хантов два первых зубика у младенца символически называли «ножик» и «топорик»[10]. Приговаривали: *K’esheŋa-ḷajmaŋa jis* ‘Ножом-топором вооружился’. Пример указывает на существование символической параллели между твердой тканью (из которой состоят зубы) / костью и металлом / камнем.

В возрасте 6–7 лет, когда выпадают молочные зубы, ребенок под руководством старшего родственника (обычно бабушки) проводит собственный ритуал, направленный на получение крепких здоровых зубов. Один из вариантов обряда, записанный у усть-казымских хантов, связан с обращением к огню: «Выпавший зуб заворачивали в утиное перышко от подушки (в настоящее время в вату) и кидали в печь со словами: *Тӯт аӈкие, ма нӑӈен ям пєӈк мӑсум, нӑӈ мӑнэм атум пєӈк мия* ‘Огонь-матушка, я тебе хороший зуб дала, ты мне плохой зуб дай’» [9, *203*]. У верхне-казымских хантов выпавший зуб заворачивали в мягкий пух, но бросали его в глухой угол с обращением к мышке: «Мышка, возьми мой хороший зуб, дай мне плохой зуб»[11]. Обские манси поступали также, но выпавший молочный зуб кидали в щель пола (записано со слов Р. К. Бардиной 17 сентября 2018 г.). При таких обращениях, якобы все случается наоборот. Считается, что мистические силы после подобного обряда обязательно наделят ребенка здоровыми зубами.

По мнению исследователей, действия «наоборот» являются обязательным моментом в переходных обрядах. Обряд «пе-

[8] ПМА: М. К. Волдина, запись 2008 г.
[9] ПМА: М. К. Волдина, запись 1992 г.
[10] ПМА: М. К. Волдина, запись 1994 г.
[11] ПМА: М. К. Волдина, запись 1992 г.

редачи» выпавшего молочного зуба «посредникам» между миром живых и миром духов, по сути, «маленькие похороны». А в потустороннем мире все наоборот. И зуб, «уходя» в иной мир, тоже «вернется». Смена молочных зубов представляет собой мини-реинкарнацию отдельной частички человека.

В сновидениях же зуб представляет собой отдельного человека, а челюсть в целом символизирует род. Потерять во сне зуб – к смерти кого-то. Если зуб выпал с болью и кровью, то такой сон предвещал смерть очень близкого и дорогого родственника, если же зуб выпал без боли – это к смерти дальнего родственника.

Кости и реинкарнация. Связь представлений о костях с культом предков и родовых духов-охранителей

«Кость олицетворяет и генетическую связь поколений, так как слово *сеок* означает и род. Сожжение костей врагов приводило к смерти их потомство. <…> Кости играли важную роль на свадьбах и похоронах, выполняя одну функцию – гаранта продолжения жизни, существования рода, этноса», – такие выводы делает Бурнаков на основе изучения тюркских традиций [1, *15–19*]. Близкие представления характерны и для обских угров.

В традиционной среде хантов и манси принято также считать, что сохранность и целостность костей имеют исключительное значение для последующей реинкарнации как людей, так и животных. Данный круг древних представлений о возрождении человека, а также священного животного – медведя, в почитании которого лежат отголоски древних тотемических и промысловых культов, нашел отражение в фольклорных текстах этих народов [14].

В известном мифологическом сказании о женщине *Mos'*, реинкарнировавшейся через медведицу, она наказала дочери собрать и сохранить кости братьев-медвежат и матери-медведицы, чтобы они смогли возродиться, после того как станут добычей охотников. Эта установка лежит в основе существующего обычая бережного отношения к костям священного животного, чтобы обеспечить «когтистому старику» возможность реинкарнировать. Наиболее ярко вера в сверхъестественное родство человека и медведя выражена у восточных (ваховских) хантов. Они считают возможной реинкарнацию душ умерших родственников в телах медведей, чтобы те могли специально повстречать охотника и «прийти» снова в дом своих близких [13].

Духовное родство человека и обожествляемого зверя отражено не только в особом отношении к нему (специальные ритуалы, табуированный язык), но и в представлениях о схожести посмертного разделения «душ», одна из которых отправляется «на небо», что проявляется в особом отношении к плоти священного животного, и особенно – к его костям. Кости добытых медведей нельзя было дробить, их хранили в специальных бревенчатых сооружениях.

После проведения соответствующих обрядов в жилище или специальном лабазе хранилась голова (череп) добытого медведя, который становился духом-охранителем, оберегающим дом и семью от воздействия злых сил и духов болезней. Этой же цели служат и другие непортящиеся части тела, которые также считаются вместилищем его души: шкура, нос, зубы, когти. Голова (череп) медведя играла особую роль в обрядах обычного права – а именно при произнесении клятв, за соблюдением которых следит его дух, наказывающий виновного через «сородичей».

Отдельного изучения требует вопрос о костях жертвенных животных, дух которых отдается божествам-покровителям. На роль первого шейного позвонка-атланта жертвенных оленей в обрядовой практике народов Севера и Сибири обратил внимание Ю. Н. Квашнин [6].

Мотив оживления через манипуляции с костями в фольклоре

О необходимости сохранения всех костей для возрождения героев говорят и другие мифологические тексты обских угров, где через проведение соответствующих ритуальных манипуляций с костями персонажи возвращаются к жизни.

Например, в фольклоре обских угров встречается известный и другим народам мотив оживления мертвого героя, разрубленного на куски, благодаря опрыскиванию его мертвой и живой водой, принесенной птицами. Важен порядок такого оживления: первым шагом является сращивание костей благодаря мертвой воде, и только потом возвращение жизненных сил, которые дарует живая вода (о связи этого сюжета с мотивом оживления окаменевших братьев с помощью живой воды см. ниже).

Однако имеются и другие фольклорные версии. Так, в одном мифологическом сказании для расправы с неугодным сватом отец невесты приказывает: «…идите, …мелкие кости мелко разрубите, крупные кости крупно разрубите, в мешок положите, дерните вожжи, и пусть его олени несут». Убитого таким образом хозяина спасает верный пес «сын Йанду», благодаря ему герой возрождается (надо учитывать, что у хантов и манси собака – это священный образ, имеющий отношение к миру смерти и болезней и, следовательно, наделяется силой противостоять смерти). Прежде чем начать ритуал оживления, собака говорит жене убитого героя: «Быстрее иди, мешки занеси, вдоль очага положи. *Только ни косточки, ничего не потеряй*». Далее: «Сын Йанду спрыгнул с переднего угла, к очагу <…> то в одну сторону идет, то в другую сторону идет, языком лизнет. Языком поправит, взглядом окинет. А старик мой, кровяную слюну сплевывая, кровавую слюну сплевывая, садится». Таким образом, герой оживает вновь[12].

В другом случае кости были необходимы божественной невесте в ритуале исцеления божественного жениха. В сказании повествуется, как некто невидимый схватил девушку вверх за волосы, и ее отец отрубил этому «кому-то» руку: «Вместе с рукой девушка упала вниз» (Однорукость – как аномальная характеристика тела, в ряде архаических традиций мира указывает на сакральное божественное начало). Мать девушки, чтобы предотвратить грядущие несчастья, советует девушке: «Придешь к маленькому острову – в маленький туесок потихоньку *маленькие косточки собирай*. К большому острову подойдешь – в большой туес *большие косточки собирай*…». Взяв с собой отрубленную руку и последовав совету матери, девушка незаметно приходит к дому героя и через отверстие чувала высыпает содержимое кузовков в котел. После того как мужчина отведал этой еды, он исцелился: в первом случае у него «большие кости на место встали…», а после другого приема такой пищи он произнес: «Чувствую, что *кости-руки на место встали*. Похоже, что выздоровел»[13].

Отождествление кости и камня. Почитание в образе природных камней духов-покровителей

В фольклоре западных групп хантов распространен сказочный сюжет о рождении мальчика (будущего *Mos'-hŏ*): из колена женщины вынули камень, который превратился в героя, совершающего подвиги.

В основе фольклорных версий о рождении / возрождении героев из камня просматривается взаимосвязь представлений, связанных с костью и камнем, переходящая в некоторых случаях в отождествление, когда кость и камень могут рассматриваться как вещи одного порядка. Ее можно обнаружить в типичных для обских угров образных выражениях и сравнениях, народных пословицах или закрепившихся в языке оборотов до почитания природных мест, где «окаменели» герои прошлого.

Например, о физически крепком, стойком и трудолюбивом человеке говорят: "*Tăm hănnєhŏ k'ev shănshəŋ*" ('Этот человек имеет каменную спину'). В молитвенном обращении к Камню он называется *aki* 'дядя', который «видел», «помнит», «прошел», «знает», и к нему *как к своему предку* обращаются за силой и помощью «помнящие» его люди[14].

В среде казымских хантов почитается природный священный объект на р. Ить-Ях, который называется *K'ev-iki* (досл. с хант.:

[12] Пес Йанду. С. 23.
[13] Дочь маленького зеленого карася. С. 19, 21.
[14] ПМА: М. К. Волдина, запись 2008 г.

Каменный мужчина), так как представляет собой большой камень, напоминающий по форме сидящего со скрещенными ногами человека [2]. О его происхождении повествует хантыйская легенда: «Как-то ненецкий бог поссорился с Астый ики и чтобы не уйти с его земли, он поклялся остаться здесь и превратиться в камень. “Лучше буду камнем, чем отдам вам волосы”» [11, *165–166*].

В этой легенде отражены происходившие в прошлом хантыйско-ненецкие военные конфликты и борьба за территорию. У хантов рассматриваемая территория находится под покровительством *As tyj iki*. До их прихода культ почитаемого *K’ev-iki* первоначально мог иметь отношение к ненецкому населению, проживавшему здесь.

Священными и очень почитаемыми природными объектами для хантов, манси и ненцев являются Уральские горы. Так, ряд горных вершин Приполярного и Северного Урала (территория Берёзовского района ХМАО–Югры) считается у манси образами особо почитаемых духов-покровителей. В тоже время в героическом прошлом, согласно мансийским преданиям, «им достаточно было одного взгляда, чтобы обездвижить неприятелей и превратить их в каменные изваяния» [10, *190–191*]. Таким образом, «превращение в камень» – это эквивалент смерти, переход в другое состояние, к иному способу существования.

В мифе северных хантов, самый младший, седьмой сын бога *Torum’*а (он известен в актуальных верованиях под именами *As-tyj iki, Mir-vanty-hu*) сразу после рождения был помещен в «круглый каменный дом», где он должен был находиться до определенного момента, но он быстро вырос и, став взрослым, «одним движением разрушил каменный дом, так что и осколка не осталось». Этот «круглый каменный дом» напоминает яйцо, скорлупа которого была разрушена изнутри, знаменуя рождение покровителя людей, который мог принимать облик гуся[15]. В данном случае выход из «каменного дома» – это тоже переход в иную реальность, но уже в обратном направлении – рождение.

О восприятии природных каменных объектов обскими уграми в качестве «окаменевших духов» писали Карьялайнен[16], Шатилов[17] и др. По их данным, почитаемых обскими уграми священных камней (*jeməŋ k’ev*) и скал, по форме напоминающих животное или человека, большое количество. Карьялайнен приводит примеры, записанные им и другими исследователями: «…на Конде находится колеблющаяся скала “величиной с печь” “каменная Старуха”, у которой, как говорят, можно узнать очертания носа; у пос. Сартынья <…> стоит превратившаяся в камень героическая мать *Uri-nē* – скала, которая <…> выглядит как женская фигура; Тобольский музей владеет остяцким духом-камнем, который в некоторой степени напоминает человеческую голову и т. д. В некоторых областях… встречались духи-камни без особой формы…»[18].

Идея «окаменения» божеств и других существ проявляется как в актуальных верованиях, так и в фольклоре. В народном сознании камни отождествлялись с духами-покровителями, что наглядно выражают их эпитеты: охранительница реки Казым – «Священный камень, святой камень у порога (Урала) великая богиня-женщина» и дух-покровитель Северной Сосьвы – «Священный камень, святой камень у порога (Урала) великий бог-мужчина» [7, *182*].

Даже небольшие камни причудливой формы нередко становились основой для фигур – образов семейных духов-покровителей. Эти сакральные изображения заворачивались в ткань, хранились на священной полке и передавались по наследству. Их доставали в особых случаях, «угощали». Такого типа сакральные объекты также восходят к культу предков, частью которого является обычай изготавливать после смерти человека изображения для пребывания одной из его «душ». Они были из

[15] См.: Pápay J. Eszaki-osztják nyelvtanulmányok. Budapest, 1910. S. 176

[16] См.: Karjalainen K. F. Op. cit.

[17] См.: Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этногр. очерки. Томск, 1931. С. 103 (Тр. Томск. обл. краевого музея; Т. 4).

[18] Karjalainen K. F. Op. cit. S. 41–42.

разных материалов (ткани, дерева), а также известны *оptəŋ akan'* (куклы из волос). Изображения умерших хранились какое-то время и затем сжигались, в отличие от образов духов-охранителей, которые передавались по наследству. Каменная основа изображения духа-покровителя также отвечает этой задаче.

Символические функции камня

Важным с точки зрения рассматриваемой тематики является предложенный Молдановой анализ традиционных представлений хантов о рождающей, смертоносной и защитной силе камня. Камень «символизирует мужскую сексуальную энергию», «мыслится как носитель мощной созидающей силы, в нем содержится огромный творческий потенциал». Согласно традиционным представлениям северных хантов камни олицетворяются «с символом чадородия – кедровой шишкой и с мужскими яичками, которые называются также как камень, – "*кев*". У казымских хантов <…> существует серия запретов для женщин, регламентирующая их отношения к камням. <…> Например, на камень нельзя садиться – тяжелой станешь. В языке этой группы "стать тяжелой" означает также беременность. Если женщина случайно наступила на камень, то она должна его поднять, поцеловать и положить на сакрально чистое место и т. д.» [7, *187–188*].

В этом плане любопытен фольклорный сюжет, когда герой «для поддержания жизни, жизненной силы использует камни» в количестве 5 штук (символично пяти *is* у мужчины): «Пять камней тетя ему сварит, пять камней съедает»; а также мифы о происхождении из камня Богини Огня, а также мотива о появлении воинов из искр, высекаемых из кремня [7, *188*]. Неслучайно богиня деторождения восточных хантов *Aŋki Pugos* одновременно считается у них богиней Огня.

Выше мы упоминали мотив оживления разрубленного на куски героя, у которого благодаря мертвой воде происходит сращивание костей, а с помощью живой воды он оживает. Вариантом этого мотива являются фольклорные сюжеты, где благодаря живой воде оживают окаменевшие братья. Таким образом, здесь также просматривается тождественность кости и камня.

В героических сказаниях восточных хантов (близкие мотивы есть и у других групп обских угров) «камень выступает как реальная смертоносная сила в руках богатырей <…> орудие убиения животных сверхъестественными существами менками <…> символическая смертельная сила для злых сущностей, такой силой наделены камни грома и камни Урала» [7, *192*]. В этом ключе хочется обратить внимание на так называемые каменные стрелы, которые по своей силе и свойству разить злых сущностей, по своим характеристикам соответствуют *стрелам, сделанным из кости*, которыми герои одолевают сверхъестественных существ. В одном из текстов повествуется как охотники «из голени *мек*а[19] сделали *волап*-стрелу, из ребер *мек*а сделали они лук» и поразили ими жен трехголовых лесных великанов, которых они одолели хитростью, изготовив из их костей, смертоносное оружие[20].

Символическая параллель кость–камень–металл

Чудодейственность стрел из камня и кости объясняется тем, что кость и камень имеют способность вмещать в себя и сохранять жизненные силы, т. е. одухотворены жизненной силой предков-героев, а также мифических существ, в том числе лесных великанов. При этом в фольклоре сила может относиться и к мужским, и к женским персонажам. В то время как металлические стрелы ассоциировались в обско-угорской культуре только с мужской сферой деятельности, и являются символами только мужских «душ». Камень и металл нередко встречаются в фольклорных параллелизмах, где идентичность их свойств видится в их святости, прочности и защитной функции. Ранее мы упоминали об отражении связи представлений о защитной функции кости / других твердых тканей организма и металла в названиях первых зубов младенца – «ножик» и «топорик».

[19] Речь идет о меӈке – лесном великане – персонаже хантыйского фольклора. У манси этот образ известен под названием менкв.

[20] См.: Три охотника. С. 124; Steinitz W. Op. cit.

Таблица. **Применение камня / металла и огня в защитной магии обских угров**

Обычай, обряд с применением камней	Аналогичный обряд с применением металла, огня и его символов	Интерпретация, значение обычая, обряда
В родильном доме на раскаленные добела камни лили воду, мать с ребенком несколько раз перешагивала через пар, над паром держали вещи, которые были в «маленьком доме»	Для получения очищающего пара воду лили на раскаленный топор	Для очищения от сакральной «нечистоты» роженицы и ребенка
В колыбель под ножки ребенку клали точильный брусок или кусочек бруска, камешек	В колыбель клали нож (ножницы), огниво (коробку спичек)	Для сакральной защиты беззубых детей
«Особые» небольшие камни содержатся в священном углу	Изделия из металла как сакральные предметы также хранятся среди ритуальных вещей	Защита духов-покровителей, которые ассоциировались с этими предметами
При кошмарах под подушку кладут брусок	Под подушку кладут нож или другой металлический предмет, а также окуривают постель	Защита от «блуждающих душ»
На лицо покойника(цы) накидывали платок или кусок ткани, где на месте глаз, носа и рта пришивали пуговицы, бусины или бисер. Свойства бусин и тому подобного и камня в этом случае идентичны	На погребальной маске умершего на месте глаз, носа и рта пришивали монеты или металлические бляхи	Способ защиты от вредоносных свойств усопшего. Для того чтобы порвать всякую связь умершего с миром живых, благодаря такой маске он перестает видеть, слышать и говорить
Пока тело покойного находится в доме – на последнее ложе умершего кладут кремень или оселок. Ложе умершего окуривают дымом и паром от раскаленного камня	В течение всего времени до погребения умершего в доме горит огонь (сейчас – электрический свет). Рядом с покойным кладут нож, топор и другие острые металлические предметы	Для защиты живых от потусторонних сил
У входа в дом возле порога во время траура кладут точильный камень	У дверей кладут нож или топор, над дверным проемом устанавливают три иглы острием вниз	Для защиты живых от потусторонних сил
«Беспокойному» умершему в рот или на сердце кладут сырой камень. Аналогичный обычай существовал в отношении мертворожденных детей, которых хоронили отдельно под корнями дерева с дуплом	Этот обычай близок к обозначенному выше, когда металлическими бляшками (монетами) закрывали умершему глаза	Чтобы умерший не мог бродить и причинять вред живущим
Если не успели разделать добытого медведя в первый день, то его переворачивали вниз животом и на голову клали брусок		Для удержания «душ» убитого медведя на месте

Эта ассоциативная связь имеет отношение и к источнику жизненных сил, которые символизирует огонь: получение металла благодаря огню, высекание искры из камня, и, наконец, кость рассматривается как концентрация жизненных сил, которые дарит богиня, отвечающая за деторождение, у восточных хантов она является также богиней Огня.

Несомненно, эта взаимосвязь камня со всеми его «жизнеподдерживающими» свойствами, предметов из металла и богини Огня (богини деторождения) наблюдается в ритуалах, направленных на защиту живых от мертвых, а также злых сущностей (таблица).

Учитывая тождественность символических свойств камня и металла в ритуально-обрядовой практике, направленных на магическую защиту человеческой жизни, можно говорить о тройной параллели: кость – камень – металл, которая восходит также к представлениям об их оберегающей силе и культу духов-предков.

Заключение

Таким образом, рассмотрев комплекс традиционных представлений обских угров о кости как одном из носителей жизненных сил человека, можно отметить следующее:

– целостность и сохранность всех костей (скелета) как человека, так и связанных с ним духовным родством священных животных (прежде всего, медведя) важна для их последующей реинкарнации;

– кости символизируют связь с предками, родом и духами-покровителями;

– в мифологическом сознании кость отождествляется с камнем и металлом, и они могут рассматриваться как явления одного порядка.

Эти представления лежат в основе ритуально-обрядовой практики и актуальных верований современных хантов и манси. Они находят пояснение в фольклорных текстах, прежде всего в сказаниях мифологического и героического характера. Их изучение позволяет глубже понять миропонимание предков, дошедшее до нас в виде элементов культуры, значение которых не всегда осознается современными поколениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурнаков В. А. Душа в традиционных воззрениях хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 15–19.
2. Волдина Т. В. Каменный Человек (K'ev iki) на Ить-Яхе как памятник природного и историко-культурного наследия Югры // История, культура, экономика Урала и Зауралья: сб. ст. междунар. науч. конф. / ЮГУ. Ханты-Мансийск, 2015. (Приложение к журналу «Вестник Югорского университета». 2015. № 4). С. 33–35.
3. Волдина Т. В. Этнографическая экспедиция в Ханты-Мансийский район в сентябре 2015 г. Путевые заметки // Вестник угроведения. 2015. № 4. С. 141–147.
4. Динисламова О. Ю. Фразеологическая картина мира народа манси // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации»: материалы дистанц. науч.-практ. конф.: XI Югорские чтения. Ханты-Мансийск: ООО «Технополис», 2013. С. 27–35.
5. Кашлатова Л. В. Обряды среднеобских хантов, связанные с рождением детей // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации»: материалы дистанц. науч.-практ. конф.: XI Югорские чтения. Ханты-Мансийск: ООО «Технополис», 2013. С. 173–183.
6. Квашнин Ю. Н. Первый шейный позвонок-атлант в обрядовой практике народов Севера и Сибири (к постановке проблемы) // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения ученого и обществ. деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930) / отв. ред. А. С. Вдовин, И. П. Макаров. Красноярск, 2017. С. 245–248.
7. Молданов Т. А., Молданова Т. А. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: Тип. «Печатное дело», 2010. 350 с.
8. Потпот Р. М. Хантыйский дом сквозь призму интерпретации обрядовой лексики (на материале казымского диалекта) // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы дистанц. науч.-практ. конф.: XIII Югорские чтения. Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. С. 89–95.
9. Пятникова Т. Р. Представления и обряды хантов усть-казымского Приобья, связанные с жилищем // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги. Перспективы: материалы всерос. заоч. науч.-практ. конф.: XII Югорские чтения. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. С. 200–207.
10. Слинкина Т. Д. Священный каменный пояс Урала в веровании народа манси (вогулов) // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы науч.-практ. конф.: IX Югорские чтения. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2012. С. 189–199.
11. Сподина В. И. Погребальный обряд на р. Ай-Лямин. Легенды, приметы (материалы экспедиции на стойбище В. М. Лозямова, р. Ай-Лямин, 1994 г. Похороны Лозямова Михаила Николаевича (казымские ханты)) // Вестник угроведения. 2014. № 1. С. 165–166.
12. Шиянова А. А. Лексическое поле слова lŏw 'кость' в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги. Перспективы: материалы всерос. заоч. науч.-практ. конф.: XII Югорские чтения. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. С. 108–113.
13. Schmidt E. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Uralic Mythology and folklore. Ethnologica Uralica I. Budapest; Helsinki, 1989. P. 187–232.
14. Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. B. IV. Beitrage zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin, 1980. S. 92–107.

Поступила 03.10.2018, опубликована 12.08.2019

THE SYMBOLIC SIGNIFICANCE OF BONE, STONE AND METAL IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL VIEWS OF THE OB UGRIANS ON REINCARNATION

Tatyana V. Voldina,
Candidate Sc. {History}, Leading Research Fellow, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, e-mail: tatyanavoldina@yandex.ru

The article continues the series of materials devoted to the problem of reincarnation in the traditional culture of the Ob Ugrians ("Finno-Ugric World", "Bulletin of Ugric Studies" (2014–2018). The theme of reincarnation of the human soul is directly related to the question about the vital forces and their carriers. In traditional practices for determination whose "soul" reincarnated, the leading ones were the traditional divination and prediction of dreams, but also the attention was paid to the internal (character, preferences, etc.) and the external likeliness of a children to the reincarnated ancestor. It is not main, but very important parameter, confirming the correctness of the definition of the reborn "soul".

Part of the mythical traditions of the Khanty and Mansi is the so-called "bodily" magic, where special attention is paid to the bones (skeleton) as the basis of the human body. According to the bone structure, people could determine the fate and qualities of a person. Special attention was paid to the spine (or to the back), because the vitality of the human body depended on its strength. The safety and integrity of the skeleton was considered an important condition for subsequent reincarnation. Echoes of ancient beliefs can be found in the mythological texts about the ancestors and customs related to the bear cult.

Relationship between the ideas about the bones with the worship of ancestral guardian spirits is universal. At the same time among the Ob Ugrians bones are also associated with stones. It explains sacralization of natural stone objects, in which "heroes of the past" have "turned"; a stone has generative, protective and deadly functions. The identity of bone and stone can be seen in folklore texts about heroes or miraculous arrows (bone and stone), which appear from the miracle stones, and these arrows are used by the heroes to defeat the supernatural creatures. Metal in its sacred functions is close to bone and stone. Metal products also symboliz a magical protection, ancestral spirits and the human soul (needle, knife, arrow tip).

Key words: Ob Ugrians; mythology; traditional worldview; reincarnation; bone; stone; metal.

For citation: Voldina TV. The symbolic significance of bone, stone and metal in the context of traditional views of the Ob Ugrians on reincarnation. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 1: 32–44. (In Russian)

REFERENCES

1. Burnakov VA. The soul in the traditional views of the Khakas. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* = Humanities in Siberia. 2003; 3: 15–19. (In Russian)
2. Voldina TV. The Stone Man (Kev iki) on It-Yakh as a monument of natural, historical and cultural heritage of Yugra. *Istoriia, kul'tura, ehkonomika Urala i Zaural'ia: sb. st. mezhdunar. nauch. konf.* = History, culture, economy of the Urals and Trans-Urals. Collection of articles of the International scientific conference. Khanty-Mansiysk; 2015: 33–35. (In Russian)
3. Voldina TV. Ethnographic expedition to Khanty-Mansiysk district in September 2015. Travel notes. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2015; 4: 141–147. (In Russian)
4. Dinislamova OYu. Phraseological picture of the world of the Mansi. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy distanc. nauch.-prakt. konf. XI Yugorskie chteniia* = Indigenous people of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the remote scientific-practical conference. XI Yugra Readings. Khanty-Mansiysk; 2013: 27–35. (In Russian)
5. Kashlatova LV. Rites of the Middle Eastern Khanty associated with the birth of children. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy distanc. nauch.-prakt. konf. XI Yugorskie chteniia* = Indigenous people of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the remote scientific-practical conference XI Yugra Readings. Khanty-Mansiysk; 2013: 173–183. (In Russian)
6. Kvashnin YuN. The first cervical vertebra-atlant in the ritual practice of the people of the North and Siberia (to the formulation of the problem). *Mezhdisciplinarnye issledovaniia v arheologii, ehtnografii i istorii Sibiri: materialy mezhdunar. nauch. konf., posviash. 125-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo i ob-*

shchestv. deiatel'ia Nikolaia Konstantinovicha Auehrbaha (1892–1930) = Interdisciplinary research in Archeology, Ethnography and History of Siberia: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of scientist and public figure Nikolay Konstantinovich Auerbach (1892–1930). Krasnoyarsk; 2017: 245–248. (In Russian)

7. Moldanov TA, Moldanova TA. Essays on the traditional culture of the Khanty: selected works. Khanty-Mansiysk; 2010. (In Russian)
8. Potpot RM. The Khanty house through the prism of the interpretations of the ritual vocabulary (on the material of the Kazym dialect). *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy distanc. nauch.-prakt. konf. XIII Yugorskie chteniia* = Indigenous people of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the remote scientific-practical conference XIII Yugra Readings. Voronezh; 2015: 89–95. (In Russian)
9. Pyatnikova TR. Representations and rituals of the Ust-Kazym Ob Region related to house. *Filologicheskie issledovaniia obsko-ugorskih iazykov: tradicii, novacii, itogi. Perspektivy: materialy vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf. XII Yugorskie chteniia* = Philological research of the Ob-Ugric languages: traditions, innovations, results. Prospects. Proceedings of the all-Russian remote scientific-practical conference. XII Yugra Readings. Tyumen; 2014: 200–207. (In Russian)
10. Slinkina TD. Sacred stone belt of the Urals in the belief of the people of the Mansi (Voguls). *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy nauch.-prakt. konf. IX Yugorskie chteniia* = Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the scientific-practical conference. IX Yugra Readings. Khanty-Mansiysk; 2012: 189–199. (In Russian)
11. Spodina VI. Funeral rites on the Aj-Lyamin River. Legends, signs (materials of the expedition to the camp of V. M. Lozyamov, Aj-Lyamin River, 1994 Funeral of Lozyamov Mikhail Nikolayevich (the Kazym Khanty). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2014; 1: 165–166. (In Russian)
12. Shiyanova AA. Lexical field of the word lŏw 'bone' in the Khanty language (on the material of the Shuryshkar dialect). *Filologicheskie issledovaniia obsko-ugorskih iazykov: tradicii, novacii, itogi. Perspektivy: materialy vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf. XII Yugorskie chteniia* = Philological research of the Ob-Ugric languages: traditions, innovations, results. Prospects. Proceedings of the all-Russian remote scientific-practical conference. XII Yugra Readings. Tyumen; 2014: 108–113. (In Russian)
13. Schmidt E. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians. *Uralic Mythology and folklore. Ethnologica Uralica I*. Budapest; Helsinki, 1989: 187–232. (In English)
14. Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. *Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. B. IV. Beitrage zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin, 1980: 92–107. (In German)

Submitted 03.10.2018, published 12.08.2019